

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СООБЩЕСТВЕННОЙ НАЦИЕЙ¹

С. П. Поцелуев, Дж. А. Тимкук

Поцелуев Сергей Петрович, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: spotselu@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Тимкук Джулфа Аарон, Министерство иностранных дел Нигерии, 465 ул. Алекс Экуеме, Джаби, Абуджа, Нигерия

E-mail: julfa.timkuk@gmail.com

Аннотация. Данная статья нацелена на осмысление проблем нациестроительства в многосоставных обществах. Для этого авторы прежде всего осуществляют критический разбор ключевых понятий, активно используемых российскими учеными в обсуждении упомянутой проблемы: нация, национальная идентичность, гражданская нация, российская нация и др. Авторы отвергают эссенциалистскую мистификацию (овеществление) и постмодернистскую релятивизацию данных понятий как контрпродуктивную в научном отношении и политически ангажированную. Основываясь на модернистско-конструктивистской трактовке феномена нации, авторы предлагают трехчленную схему для осмысления нациестроительства в многосоставных обществах, выделяя общественный, государственный и собственно гражданский типы. Российский случай гипотетически относится в статье к государственному типу нациестроительства. В этой связи подвергается критике, с опорой на понятие многосоставности российского общества и соответствующие социологические данные, взгляд, согласно которому нет никакой необходимости в строительстве российской нации. Нигерийский же кейс авторы рассматривают в контексте их гипотетического концепта «общественной нации». В статье рисуется подробная картина многосоставной нигерийской политики, расколотой по этноконфессиональным, лингвистическим и прочим линиям. Авторы приходят к выводу, что в этой ситуации выстраивание доверительных отношений между лидерами сегментов нигерийского общества выступает ключевым моментом строительства общественной нации как первого этапа на пути нигерийцев к полноценной гражданской нации. В статье акцентируется важная роль в этом процессе культурно-художественных практик аккультурации и философских идей убунту.

Ключевые слова: многосоставное общество, национальная идентичность, российская нация, гражданская нация, государство-нация, общественная нация, нигерийская нация, доверие, убунту.

Введение

То, что в обществах с этнокультурным разнообразием демократия совместима лишь с гражданским типом нации, есть давно осознанный политической наукой факт (Тишков, 2013). Важно отметить, что специфический гражданский национализм, порождающий соответствующую нацию и существенно отличающийся от этнонационализма (Хобсбаум, 2002: 334–335), как правило, появляется в демократических государствах, создавших прочные институты гражданского общества. Это требует сильных и жизнеспособных политических и социальных институтов. Но как возможен гражданский национализм в разделенном на политизированные сегменты обществе? Очевидно, что строительство гражданской нации в условиях этнокультурного разнообразия западных (социально гомогенных) стран осуществ-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

вляется принципиально иначе, чем в многосоставных (plural) обществах с этнокультурной сегментацией. Между тем такое строительство — это не утопическая мечта элит данных стран, а условие их выживания как государств. Так, в современной Нигерии концепция нациестроительства является важнейшей внутриполитической проблемой, причем уже в течение длительного времени. Однако призыв к формированию гражданской нации и так называемому restructuring (нигерийский термин, означающий перестройку) стал еще более актуальным с оживлением вопроса о «Биафре»² и в связи с угрозой сепаратизма со стороны различных этнических и социокультурных групп, в особенности с 2015 г. и вплоть до сегодняшнего дня. Крайне актуальным является вопрос о формировании и общероссийской гражданской нации, о чем свидетельствует непростая ситуация вокруг законопроекта о «русской нации» (Проект Федерального ..., 2017).³

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить пока лишь в виде гипотезы общую концептуальную схему для осмысления нациестроительства в многосоставных обществах. Под ними мы подразумеваем политики, состоящие из различных этнокультурных, расовых, идеологических, лингвистических, религиозных и прочих сегментов (фрагментов) (Лейпхарт, 1997: 41–42). Эти сегментарные различия определяют то, что линии политического противостояния частично или полностью совпадают с линиями социального разделения (Lijphart, 1969: 222–225). Многосоставное общество — это общество с политизированными (а потому конфликтными) сегментами. При этом социальные институты — такие, как образование, СМИ, культурная сфера, НПО, партии и др., имеют тенденцию консолидироваться вдоль линий сегментарного политического противостояния.

Для реализации цели нашей работы мы, помимо концептуальной критики, воспользуемся методом анализа кейсов, а именно двумя его стратегиями, которые А. Лейпхарт квалифицировал как «интерпретативную» и «генерирующую гипотезу» (Lijphart, 1971: 691–692). В рамках этих стратегий мы опишем российский и нигерийский случаи с опорой на нашу трехчленную теоретическую конструкцию типов нациестроительства в многосоставных полициях. При этом главный наш исследовательский интерес будут представлять сами кейсы, прежде всего нигерийский случай, а не теоретическая конструкция во многом гипотетическая. Не менее гипотетическим выступает у нас концепт общественной нации, который мы формулируем при сопоставлении (но без сравнительного анализа) перспектив гражданского нациестроительства в России и Нигерии.

Национальная идентичность как проблематичный концепт

Нацию еще меньше, чем работающую демократию, можно симитировать: она подобно общине верующих есть феномен личностно-интимный. Нация возникает только тогда, когда формируется масса конкретных людей, которые умом и сердцем считают себя органической частью этого культурно-политического

² Самопровозглашённое и частично признанное государство в юго-восточной части Нигерии, существовавшее в период 1967–1970 гг.

³ Любопытно, что первоначально было предложено назвать данный документ «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» (Городецкая, 2017). Однако позже разработчики законопроекта – с учетом его критики со стороны разных политических сил – решили отказаться от упоминания в названии закона «единства российской нации» и предложили указанное выше в законопроекте наименование.

единства, т.е. обретают национальную идентичность. Соответственно вопрос о возможности гражданской нации в многосоставных обществах прежде всего упирается в специфику национальной идентичности как таковой в обществах подобного типа.

Стремление осмыслить многообразие типов идентичностей в современных обществах ведет к появлению целого набора концептов, из которых для нашего случая (плюралистических обществ) наиболее актуальными представляются понятия «сложносоставной», «гибридной», «двойной» и другой идентичности. Согласно Е.В. Морозовой, сложносоставная идентичность представляет собой «соотнесение индивида с такой референтной группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнорядковые идентификационные характеристики» (Морозова, 2017: 325). Российский политолог вводит это понятие с опорой на теорию кливажей С. Роккана, причем именно «кумулятивных» кливажей, «когда линии нескольких разломов совпадают, а отдельные социальные отличия усиливают друг друга» (Морозова, 2017: 326). Таким образом, сложносоставная идентичность (Е.В. Морозова называет ее также «многосоставной идентичностью») может с определенными оговорками (об этом далее) трактоваться как воплощение интенции на строительство гражданской нации в условиях многосоставного общества.

Аналогом того, что в плюралистических обществах с этнокультурным многообразием можно назвать сложно- или *многосоставной* идентичностью, в культурно гомогенных полициях выступает *гибридная* идентичность. По словам И.В. Кудряшовой, такая идентичность «подразумевает мышление поверх исключающих бинарных понятий», а также процесс, в котором «новые социальные формы (комбинации ценностей, установок, предпочтений, факторов) не замещают старые, но соединяются с ними и переосмысливаются» (Кудряшова, 2017: 366). Сходными по смыслу являются, на наш взгляд, концепты *overlapping memberships* и *overlapping identities* (частично совпадающие членства и идентичности), широко используемые в современной политической науке (Rebouché, Fearon, 2005).

На первый взгляд, такие концепты, как «сложносоставная идентичность», «гибридная идентичность», «частично совпадающие идентичности» и т.п., точно описывают специфику идентичности в условиях обществ с этнокультурным многообразием. Но отражают ли эти концепты, строго говоря, условия формирования гражданско-национальной идентичности в многосоставных полициях? И могут ли национальные идентичности (в отличие от иных социальных идентичностей) быть сложносоставными, двойными, множественными или гибридными? Мы считаем, что не могут, потому что национальные идентичности суть идентичности *политические*, а это требует от их носителей сознательных действий, принятия конкретных решений; это не в последнюю очередь вопрос национальной (партийной в широком смысле) лояльности, причем нередко в жесткой форме. Например, быть «русским американцем» (американцем русского происхождения — *American of Russian descent*) — это нечто совсем иное, чем быть «американским русским» (россиянином американского происхождения). Здесь нет «двойной» (Беляева, 2011: 106–109)⁴ национальной идентичности, а есть только

⁴ Хотя именно такого рода феномены («русские евреи» в Израиле, «русские американцы в США, «тбилисские армяне» в Грузии и т.п.) приводятся в качестве примеров «двойной идентичности». Это

одна: русская (российская) или американская. И в пороговой ситуации человек действует и/или вынужден действовать как член российской (русской) либо американской нации, или он вообще в такой ситуации не способен к действию как член национальной общности.

В строгом смысле многосоставной или гибридной *национальной* идентичности не существует (даже если она — полезный пропагандистский концепт), но есть только национальная идентичность, в том числе и гражданского типа, единая и неделимая. И только по своей модификации, т.е. вторичным признакам своего проявления, а не по сути она может быть специфицирована как «многосоставная» либо «гибридная» гражданская идентичность. Из того, что у каждого человека есть множество идентичностей, еще не следует, что у него есть «множественная идентичность». В лучшем случае (а точнее, в случае гибридных и сложносоставных по своей модификации социальных идентичностей) иные идентичности низведены здесь до статуса отдельных идентификаций как моментов целого. Иначе мы бы получили нечто вроде «диссоциативного расстройства идентичности».

Концепт национальной идентичности маркирует чувство личной сопричастности человека к нации как воображаемому сообществу, которое осознается им как реально существующее и значимое для его самоидентификации (Семененко, 2017: 405–406). Заметим, что идентичность есть для нас категория субъективная, поэтому говорить об идентичности общества, нации, партии и т.п. можно только в метафорическом смысле, представляя их как совокупное «лицо» (личность).

Итальянский социолог А. Мелуччи, развивающий с опорой на конструктивистское понимание коллективных действий процессуальный подход к феномену коллективной идентичности, определяет последнюю как «интерактивное, сообща используемое определение, выработанное рядом лиц (или группами на более сложном уровне) относительно направлений их деятельности...» (Melucci, 1996: 70). Очевидно, что само по себе никакое «определение», тем более коллективно выработанное, не содержит характерной для самосознания автореферентности (аутопозности), без чего говорить об идентичности в строгом смысле слова проблематично. Приписывать же автореферентность человеческого сознания «коллективным субъектам» вроде нации или этноса — это значит их мистифицировать или, выражаясь философски, осуществлять их «гипостазирующую реификацию (овеществление)» (Малахов, 2002: 11). А. Мелуччи также пишет об опасности «реификации» (и соответственно необходимости дереификации) понятия коллективной идентичности, когда та рассматривается как «монолитное единство субъекта» (Мелуччи, С. 74). Понимая известную метафоричность (если не сказать оксюморонность) выражения «коллективная идентичность», А. Мелуччи подчеркивает, что она есть «понятие, аналитический инструмент, а не данность или сущность, “вещь” с “реальным” существованием. А когда мы касаемся концептов, никогда не

можно принять только с оговоркой: речь идет не о двойной национальной (политической) идентичности, а о частично перекрывающихся идентичностях разного порядка, пусть и «одинаково значимых для индивида». Говорить же о «двойной национальной идентичности, имея в виду идентификацию граждан с государственной общностью (страной) и одновременно с одной из наций (этнонациональных групп) в составе государства», на наш взгляд, некорректно. На самом деле, к примеру, родившиеся в Германии турки имеют не «двойную» или «гибридную» национальную идентичность, а германскую либо турецкую, и это — одна из причин серьезных трений между германским и турецким политическим руководством (Беляева, 2011).

следует забывать, что мы обращаемся не к “реальности”, а к инструментам или объективам, через которые мы эту реальность прочитываем» (Melucci, 1996: 77). Вся методологическая интрига в изучении любых коллективных идентичностей (в особенности тех, которые, как нации, относятся к идентификации с воображаемыми сообществами) лежит как раз в этом переходе от индивидуального уровня к уровню коллективному и социальному макроуровню. Между тем у некоторых авторов эти уровни просто ставятся рядом через запятую, как будто здесь вообще нет никакой проблемы⁵.

Овеществление коллективной (в частности, национальной) идентичности можно квалифицировать как методологическую крайность, характерную для эссенциалистского подхода к социальным явлениям. Но в качестве другой крайности выступает радикально-конструктивистский концепт идентичности, замечательную критику которого недавно дал российский политолог Э. Паин на материале представлений о нации, высказанных академиком В.А. Тишковым. Ключевым в этой критике является выражение «интеллектуальное разоружение» как неизбежный эффект парадоксально-релятивистских тезисов вроде: «нация есть лишь метафора», «российская нация — это нация наций», «Российская империя — это национальное государство», «гражданская нация — это и этническая нация» и т.п. (Тишков, 2011).

Нередко этот релятивизм выражен в наукообразных рассуждениях о неопределенном характере и самой социальной реальности, и формирующихся в ней идентичностей: все существует только в режиме плюралистичности, гибридности, гетерогенности, переходности и т.п. Сказать что-то определенное можно только об идеальных типах, да и те ведь, как признавался М. Вебер, суть лишь «утопии», удобные для упорядочения познавательного материала. Так что по сути всё вокруг, включая сферу этнополитических отношений, едино — разница только в оттенках и градациях. В таком именно духе высказывается, например, известный политик и политолог Р. Абдулатипов: «Род, племя, союз племен, народ, этнос, союз этносов, этнонация, многонациональная общность, политическая нация, нация-государство — это все ступеньки социализации и расширения пространства интеграции общности, этнических признаков в их социально-политической эволюции» (Абдулатипов, 2005).

Такой методологический туман есть не только следствие постмодернистской моды — он также востребован как политический (идеологический) инструмент.

Нужна ли нация России?

Эссенциалистский (овеществленный) и релятивистский (радикально-конструктивистский) концепты нации и национальной идентичности оказываются взаи-

⁵ К примеру, когда утверждается, что «идентификация – это процесс эмоционального и когнитивного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризация ценностей, занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей» (Ачкасов, 2012: 12). Получается, у группы как своего рода «толпочеловека» есть способность не только «эмоционально самоотождествляться с другими группами», но даже «интериоризировать ценности»! Полностью овеществленным представляется понятие коллективной идентичности и в утверждении, что «индивидуальная идентичность является видом групповой идентичности, существующей «в голове» индивида..., а групповая – это сумма общепринятых норм и образцов, когда-то берущих начало в поведении отдельных людей» (Ачкасов, 2012: 18).

модополняющими в рамках идеологического дискурса, который Э. Паин метко назвал «охранительным конструктивизмом» (Паин, Федюнин, 2017: 214). Суть его состоит в утверждении, что российскую нацию вообще не надо строить, ибо она уже существует, — «просто мы этого не понимаем или не хотим признать» (Миллер, 2008: 324).

Помимо этой точки зрения, Э. Паин выделяет еще две крайних позиции по вопросу о гражданской нации в России: «Вторая позиция состоит в сознательном отказе различать имперский и национальный типы взаимоотношений общества и государства. Наконец, третий подход утверждает неизбыточность империи и, следовательно, невозможность гражданской нации в России (Паин, Федюнин, 2017: 213). Имеются и смешанные варианты этих позиций⁶, но эффект во всех случаях примерно один и тот же: когда постмодернистский туман, растворяющий *differentia specifica* базовых понятий вроде нации, империи, идентичности и др., рассеивается, становится очевидным, что нация из современного феномена превратилась в извечную сущность с культурно-цивилизационными атрибутами. Это не только соответствует официальной позиции, фаворизирующей цивилизационный подход в трактовке российской идентичности (Путин, 2012), но и вполне отвечает мировому интеллектуальному тренду: «Сдвиг от политики к культуре, наблюдаемый в современном мире, создает благоприятную почву для замены понятия “нация” на “цивилизацию”» (Шнирельман, 2007: 85).

Упомянутый «охранительный конструктивизм» на самом деле идеологически обезоруживает российскую власть, потому что в мире, где нации и национальные государства продолжают оставаться главным способом политической легитимации, опасно брать на вооружение обветшалые имперские идеологемы позапрошлого века и закрывать глаза на этнонационалистическую мобилизацию, которая разворачивается в России и которая серьезно угрожает ее целостности⁷. Между тем у политического руководства страны не было за последние два десятилетия однозначной позиции относительно нациестроительства в России: президент В.В. Путин заявил еще в 2004 г. на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах, что «сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации» (Путин, 2012). А президент Д.А. Медведев в 2011 г. объявил: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (Российская нация, 2011). Эта двусмысленность

⁶ Так, утверждается, что в России сложились «политическая нация и специфическая государственно-гражданская идентичность», но тут же признается, что они оказались «неспособными стать реальной основой культурно-аксиологической общности россиян» (Лубский, Посухова, 2016: 44). В связи с чем предлагается дополнить государственно-гражданскую идентичность россиян строительством их «национально-цивилизационной идентичности», соответствующей «трансэтнической нации-цивилизации», основанной на «общности государственных интересов и цивилизационных кодов» (Лубский, 2015: 32).

⁷ Как резонно замечает М. Ремизов (позицию которого по национальному вопросу мы не во всем разделяем), «если принять всерьез идею единой гражданской нации, то первая ее аксиома будет гласить, что никаких других наций внутри этой нации нет и быть не может... Мы часто забываем, что гражданская нация требует не менее интенсивной общности и даже однородности, чем этническая. Это однородность политической культуры и гражданского сознания. Есть ли она между разными частями “российской нации”? К сожалению, нет, особенно если иметь в виду ее северокавказскую часть» (Ремизов, 2011).

говорит о том, что по кардинальному вопросу модернизации страны нынешние элиты «де-факто реализуют сценарий стихийного самотека» (Кульпин, 2009: 161). Между тем верно было замечено: «если на территории Российской Федерации не возникнет нации в какие-то обозримые времена, то политические перспективы государства под названием Российская Федерация очень плохие» (Аузан, 2010: 50).

Таким образом, серьезный разговор о российской нации надо начинать, во-первых, с отказа от мистифицированных и релитивированных концептов нации и национальной идентичности, когда утверждается, к примеру, что «в много-составном и многокультурном государственном сообществе политическая нация — это своего рода ‘нация наций’» (Перегудов, 2017: 163). Но нация не может состоять из других наций примерно на том же логическом основании, на каком человек не может состоять из других «человеков», а только из вполне определенного набора органов. И национальная идентичность человека состоит лишь из аутопозной системы его национальных идентификаций, а не из каких-то других идентичностей.

Во-вторых, предпосылкой научного концепта российской нации является признание РФ как многосоставного общества с этнокультурной сегментацией, в котором гражданская нация еще не сформировалась. Эта ситуация отчасти унаследована от советской эпохи, но главным образом эффект постсоветский, который исследователи связывают с такими явлениями, как политизация институализированной этничности, потенциально нестабильная асимметричная федерация, разрывы в социально-экономическом и культурном развитии регионов РФ и т.п. (Ачкасов, 2012: 212). Недвусмысленным образом в пользу тезиса о многосоставном характере российского социума свидетельствуют данные социологических исследований, проведенных в последние годы.

Согласно авторитетному мнению российского этнополитолога Л.М. Дробижевой, в период 1990-х и 2000-х гг. в России были четко зафиксированы «две тенденции — роста сначала этнической, а затем государственно-гражданской идентичности и изменения в иерархии идентичностей. Прежде всего это проявилось у русских, живущих в районах с доминирующим русским населением. Российская государственно-гражданская идентичность стала у них приоритетной в сравнении с этнической» (Дробижева, 2010: 50). Схожий вывод делают отечественные социологи С.Ю. Иванова и М.М. Шульга на основе своего исследования социокультурной самоидентификации жителей Юга России: «приоритетными в “Мы-самоидентификации” жителей региона также являются российская и этническая самоидентификации, которые находятся *на одном уровне*, на третьем месте находится конфессиональная самоидентификация, на четвертом — региональная, на пятом — цивилизационная» (Иванова, Шульга, 2010: 96).

На первый взгляд, этнополитическая ситуация в современной России выглядит лучше, чем в расколотых на сегменты африканских странах. Однако нужно иметь в виду упомянутое ранее (вслед за Л.М. Дробижевой) отличие между национально-гражданской и государственно-гражданской идентичностями, которое по сути маркирует разные концепты нации. Поэтому идентификация гражданина с государством по имени Российская Федерация еще далеко не значит, что у данного гражданина есть российская национально-гражданская идентичность, что он соответственно считает себя вначале россиянином, а уже потом русским, татарин-ном, чеченцем и т.д. Очень часто в опросах, особенно на российском Юге, порядок

как раз обратный. Так, «значимость российской гражданской идентичности для населения Северного Кавказа существенно ниже, чем для жителей других регионов страны, и при этом этническая и конфессиональная принадлежность даже у молодежи в данном регионе заметно опережает по значимости гражданскую» (Авксентьев, Аксюмов, 2010: 12).

Масштабное социологическое исследование российской идентичности, проведенное в 2000-х гг. учеными Института социологии РАН, дает основания заключить, что дефицит гражданской идентичности характеризует отнюдь не только Юг России. Но в целом «граждане современной России... испытывают серьезные проблемы с коллективной идентичностью — по большому счету их мало что объединяет: нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов, хотя за последние годы появилась надежда на возможность формирования “новой общей идентичности” — российской. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в альтернативные формы — этническую, конфессиональную, различные локальные идентичности, а также в исторические прошлые страны» (Российская идентичность, 2008: 9).

И судя по данным социологического опроса, проведенного учеными РАНХиГС в 2017 г., существенных изменений в этой этнополитической картине за прошедшее десятилетие не произошло. Если мы посмотрим на результаты упомянутого опроса с «мягкими» (более дифференцированными) альтернативами выбора, то увидим явные признаки многосоставности российского общества: «в большинстве регионов, как и в выборке в целом, ... большую значимость приобретает этническая составляющая; при этом в Республике Дагестан несколько более высокие баллы получила региональная идентичность, в Республике Крым равнозначимыми оказались этническая и региональная идентичности, а респонденты из Чеченской Республики как наиболее значимую ощущают принадлежность к своей религии». При этом в регионах и в выборке в целом гражданская идентичность оказывается лишь на 3–4-м местах по значимости. Настораживает и другое: по многим позициям обнаруживается обратная зависимость между возрастом респондента и его оценками близости «к россиянам» (Развитие общегражданской..., 2017: 42). Среди молодых респондентов сильнее, чем среди представителей поколения отцов и особенно дедов, выражена привязанность к примордиальным общностям и ценностям (родному краю, культуре, религии, народу и т.д.). Причем это, судя по данным упомянутого опроса, характеризует отнюдь не только исламскую молодежь России, но и молодых респондентов практически во всех регионах страны. И это позволяет сделать вывод о том, что мы имеем перед собой картину многосоставного российского общества, этнокультурные сегменты которого в тенденции продолжают дрейфовать друг от друга.

С учетом сказанного получается, что выводы относительно этнополитической ситуации в России, которые почти десять лет тому назад сделал российский политолог Ю.П. Шабаев, с тех пор лишь прибавили в своей актуальности. А писал он, «во-первых, о недостаточной консолидированности российского общества; во-вторых, о явно недостаточной интегрированности отдельных российских регионов и их населения в общероссийское политическое и культурное пространство; и, в-третьих, о явном отсутствии сколько-нибудь последовательной, ресурсно обеспеченной и концептуально оформленной политики нациестроительства» (Шабаев, 2011: 71).

К типологии нациестроительства в многосоставных обществах

Такие полиэтнические общества, как Россия, не могут по определению строить этническую нацию, но только нацию гражданскую⁸. Обе эти нации суть прежде всего политические сообщества, хотя адепты этнического национализма всячески акцентируют, напротив, их культурно-цивилизационные качества. Однако, как метко заметил Э. Геллнер, «национализм — совсем не то, чем он кажется, и прежде всего национализм — совсем не то, чем он кажется самому себе» (Геллнер, 1991: 128). Мы придерживаемся модернистского подхода к нации (Смит, 2004: 49–50), считая ее не только новым, но и в существенной мере (хотя и не полностью) конструируемым феноменом.

Гражданская нация — это солидарная политическая общность, которая предполагает не просто формально-правовое равенство своих членов, но (в идеале) равенство реальное и всеобъемлющее. Это несовместимо с наличием в обществе политических привилегий на основе сословных, классовых, расовых, этнических, религиозных, половых и прочих различий. Для создания такой всеобъемлющей национальной общности граждан некоторым странам потребовались десятилетия модернизации и демократизации, и процесс этот продолжается. Гражданский и этнический виды национализма вдохновляются разными политическими идеологиями (поэтому абсурдно как раз в политической науке релятивировать существенность различия между этими типами национализма): гражданский — либеральной идеей универсальных прав человека, а этнический — консервативным по духу концептом прав отдельного народа. Поэтому гражданская национальная общность в тенденции инклюзивна, а этническая — эксклюзивна⁹. И восприятие исторического времени у этих национализмов тоже разное: гражданская нация воображается как современный феномен, а этническая — как седая древность.

Правда, гражданская нация как политическая общность поверх этнических различий не возникает сразу во всем блеске и широте своей общности. Как убедительно показывает немецкий историк О. Данн, она есть по своему происхождению продукт эволюции и взаимодействия классовых и партийных интересов. Вначале носителем

⁸ Мы находим вполне релевантным для наших кейсов предложенное в свое время Э. Смитом различие между гражданской моделью нации «civic model of the nation» (с акцентом на демократический конституционный порядок) и этнической концепцией нации «ethnic conception of the nation» (как политическое сообщество этнических родственников) (Smith, 1991: 9–11, 70).

⁹ Мы позволим себе пространную цитату из замечательной статьи Э. Хобсбаума, которая не только иллюстрирует актуальность различия между гражданским и этническим национализмом, но также показывает важность этого различия как для Европы, так и для других регионов планеты: «Классический либеральный национализм XIX века был прямо противоположен нынешним попыткам утвердить групповую идентичность посредством сепаратизма. Его цель заключалась в расширении масштабов социального, политического и культурного единства людей, то есть скорее в объединении и расширении, нежели в ограничении и обособлении. Это одна из причин того, что национально-освободительные движения 'третьего мира' находят традиции XIX века, одновременно либеральные и революционно-демократические, столь близкими себе по духу. ...Ганди и Неру, Мандела и Мугабе или в данном случае поздний Зульфикар Бхутто, сожалеющий об отсутствии у пакистанцев чувства национального единства, не были и не являются националистами в том же смысле, что Ландсбергис или Туджман. Они, по сути дела, занимали ту же самую позицию, что и Массимо д'Адзельо, который после политического объединения Италии говорил: "Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев", то есть создать итальянцев из жителей полуострова, объединенных самыми разнообразными связями, кроме общего языка, которого у них не было, и государства, которое пришло к ним сверху, извне» (Хобсбаум, 2002: 335).

идеи политической нации были аристократы (идея сословной, дворянской нации), затем представители образованного (буржуазного) слоя, затем масса всех граждан, включая мелких собственников и рабочих. О. Данн обращает внимание на то, что борьба рабочих и крестьян за свои социальные права была фактически борьбой за их место под общим национальным солнцем, за право войти в нацию как носительницу государственности и государственного суверенитета. «С этой точки зрения рабочее движение и движение за женское равноправие тоже оказываются частью национального движения», — подчеркивает О. Данн (Данн, 2003: 17). Поэтому не должна удивлять та легкость, с какой классовое перетекает в национальное не только в социалистических, но и коммунистических движениях. При этом важно иметь в виду, что идея нации никогда бы не возникла в сознании людей, не будь у них изначально представления о том, что этой идее противостоят идеи других наций, а также сфера интер- и наднационального общения.

С учетом, с одной стороны, упомянутой историчности феномена гражданской нации, а с другой — специфики многосоставного общества мы выделяем, как минимум, три стратегии нациестроительства (соответственно три типа наций) в многосоставных обществах: собственно *гражданскую, государственную и общественную*.

Стремление определить разные формы нациестроительства в условиях полиэтнических государств уже не раз выражалось в исследовательской литературе. Как заметила Л.М. Дробижева, «для многих россиян понимание нации как гражданской общности не привычно», между тем как «понятие государственной общности как граждан страны широко распространено». В этой связи российский ученый видит разницу между «государственно-гражданской» и «национально-гражданской» идентичностями, помимо идентичности этнической (Дробижева, 2010: 49).

Еще ближе к различию упомянутых нами стратегий нациестроительства стоит предложенное американскими политологами А. Степаном и Х. Линцом, а также индийским политиком и политологом Ё. Ядавом, различие между государством-нацией (state-nation) и нацией-государством (nation-state) (Stepan, Linz, & Yadav, 2010: 51). Правда, из выделяемых ими (в зависимости от степени культурной унификации населения) трех типов общества только общества с явной многонациональностью, в особенности территориально и политически закрепленной, можно отнести к типу многосоставных политий. Прочие же типы отмечены лишь разной степенью культурной однородности. При этом нациестроительство по модели нации-государства, как его описывают упомянутые авторы, оказывается в многосоставных политиях невозможным. Ведь эта модель предполагает гомогенизирующую политику в области языка, образования, культуры и медиа, соответственно приверженность населения страны (включая мигрантов) одной культурно-цивилизационной традиции при унитарном либо моноэтническом федеративном устройстве государства. В одной из своих статей А. Степан (Stepan, 2005), развивая на украинском кейсе упомянутое различие между нацией-государством и государством-нацией, делает общий вывод, актуальный для всех многосоставных обществ, включая Россию: «агрессивное проведение политики ‘нации-государства’ при наличии более чем одной ‘мобилизованной национальной группы’ опасно для социальной стабильности и перспектив демократического развития» (Цит. по: Миллер, 2008).

Для многосоставных обществ чаще подходит модель «государства-нации», когда государством гарантируется свободное и даже политически артикулированное выражение социокультурных различий, а при необходимости предоставляется

механизм примирения этнокультурных конфликтов. Таковую политику «легче всего реализовать в форме федерации, чаще всего — асимметричной, возможно — в сочетании с консоциализмом (по А. Лейпхарту)» (Филиппова, 2016: 22). Формулой всех государств-наций можно считать уже упомянутое выражение М. д'Адзельо: «Мы создали Италию (РФ, Украину ...), теперь нам нужно создать итальянцев (россиян, украинцев ...)». Конечно, понятие «государства-нации» при любых попытках приложить его к конкретным кейсам требует дифференциации. В известной мере эту задачу решает концепт «национализирующих государств» (nationalizing states), предложенный Р. Брубейкером (Brubaker, 2011). Однако Р. Брубейкер не относит свой концепт к России и вообще оставляет открытым вопрос о его соотношении с многосоставными обществами.

Между тем все упомянутые ранее характеристики государства-нации можно считать общими для выделяемых нами государственной и отчасти общественной стратегий нациестроительства в многосоставных обществах. Однако между ними есть и различия, которые объясняются различием составляющих их сегментов. Принципиально важными представляются здесь два момента: 1) наличие либо отсутствие доминирующего сегмента; 2) идеологический либо этнокультурных тип сегментации.

Исторический опыт Голландии и Австрии показывает, что распадение общества на религиозно-идеологические сегменты со временем может преодолеваться, порождая однородный тип гражданско-национальной культуры с работоспособной демократией большинства. В случае же этнокультурной сегментации перспектива формирования в культурном отношении однородного общества не очевидна¹⁰. Соответственно многосоставные общества, в принципе, могут последовательно реализовывать общественную, государственную и гражданскую стратегии нациестроительства. Порядок здесь принципиален: любые попытки осуществить в многосоставном обществе, разделенном на множество примерно равных по величине сегментов, сразу же государственную или — тем более — гражданскую стратегию нациестроительства обречены на провал. При наличии же в многосоставной политике доминирующего сегмента стартовать можно и со стратегии государственного нациестроительства, но не без использования практик общности. Этот случай как раз характеризует Россию, в которой есть русские как доминирующий сегмент, тогда как в Нигерии, напротив, актуальнее стратегия общественного нациестроительства (о чем пойдет речь далее).

В целом успех государственной стратегии нациестроительства в условиях многосоставных политий зависит от наличия как минимум следующих условий: а) традиций централизованного государства и государственного патриотизма, когда приверженность разным культурным традициям не блокирует идентификацию с общим государством; б) де-факто централизованного государства, хотя и в условиях раздробленного на сегменты общества; в) общей и реальной экзистенции

¹⁰ А. Лейпхарт ссылается в своей книге на Б. Барри, который рекомендовал «проявлять сдержанность при переносе в этнически неоднородные общества общественных принципов, оказавшихся эффективными в разрешении религиозных или идеологических конфликтов между политическими субкультурами в Европе» (Лейпхарт, 1997: 270). Это Барри мотивировал, помимо прочего, тем, что к вопросам религии и идеологии общественные методы подходят лучше, чем к этническим различиям. Хотя Лейпхарт считал такой вывод некорректным, ссылаясь на недооценку в подходе Барри роли надсегментарных ориентаций в многосоставной политике, этот вопрос до сих пор остается открытым.

альной угрозы для формирующих нацию граждан; г) доминирующего сегмента; д) идеологического, а не этнокультурного характера сегментации.

Заметим, что строительство государственной нации возможно и в условиях авторитарных режимов — в отличие от гражданского нациестроительства, предполагающего институциональный дизайн типичной для Запада «демократии большинства», а также от общественной нации, отвечающей концепту общественной демократии (демократии консенсуса) как единственно возможной в условиях расколотого на сегменты общества. В.А. Тишков довольно убедительно разворачивает схожий тезис, проводя параллели с Россией, на примере государственного нациестроительства в Индии и Китае (Тишков, 2016: 15–17). Особенно интересен здесь китайский случай, показывающий, что массовые политические кампании под руководством коммунистической партии могут служить превосходным примером грандиозной национальной мобилизации (Barnes, 2013). В.А. Тишков подчеркивает, что как в Индии, так и в Китае были доминирующие этнокультурные сегменты, и в обоих случаях была налицо экзистенциальная угроза, сплачивавшая разные сегменты этих обществ. В России сейчас такой явной угрозы нет; память о Великой Отечественной войне не может играть такую роль, а Запад в качестве коллективного Врага — отнюдь не для всех убедительная конструкция. Вместе с тем, как верно было замечено, «Россия беременна политической нацией, и прежде всего в том отношении, что ее полиэтническое общество нуждается в консолидации не против вымышленных врагов, а на основе позитивных ценностей, механизмов поиска компромиссов и реальных горизонтальных практик» (Паин, Федюнин, 2017: 206). И здесь параллели с проблемами нациестроительства в других многосоставных обществах, включая Нигерию, могут оказаться полезными — если, конечно, отказаться от европоцентристского высокомерия, помноженного на политические сказки о «Святой Руси».

«Сообщественная нация» как феномен плюралистического общества: попытка концептуализации

Прецедентов использования терминов «общественная» или «многосоставная» нация (часто под этими терминами подразумевается одно и то же¹¹) в отечественной и зарубежной политологии не очень много. К примеру, В. Филиппов и Э. Дикко пишут о «многосоставной, сложной нации» применительно к Мали в постколониальный период (Филиппов, Дикко, 2016: 292). В западной политической науке данный концепт использовался голландским политологом Х. Даалдером. Он провел сравнительный анализ формирования «общественных наций» (consociational nations) в Нидерландах и Швейцарии. Правда, Х. Даалдер выбрал

¹¹ Для обозначения типа национальной идентичности, отвечающей специфике многосоставной политики, мы все же останавливаемся на термине «общественная» [consociational], а не «многосоставная» [plural] нация как минимум по трем соображениям: во-первых, первый термин семантически компактней, поскольку подразумевает, что общественная национальная идентичность может быть только в формально-юридическом смысле гражданской, а не одной из этнонациональных идентичностей в многосоставной политике; во-вторых, термин «многосоставная нация» ассоциируется с фактом сегментированного, разобщенного общества, а нация, напротив, предполагает преодоление этой разобщенности, что и выражается термином «общественный»; наконец, в-третьих, выражение «общественная нация» указывает на органическое единство обозначаемого им феномена с режимом общественной демократии.

эти случаи для доказательства тезиса, оппонирующего лейпхартовскому концепту общественной демократии. Голландский ученый считал, что общественность «является не ответом на опасности субкультурных расколов, но предваряющей их причиной, по которой субкультурные разделения никогда не становились опасными» (Daalder, 2011: 203). Х. Даалдер рассматривал формирование общественных наций в Голландии и Швейцарии как «результат медленного процесса подлинной национальной интеграции, а не преднамеренного нациестроительства. ...Сначала национальная интеграция медленно эволюционировала на уровне договаривающихся элит, чтобы затем просочиться к низовым, парохияльным слоям общества. Таким образом, медленное развитие более сильных национальных настроений среди населения в основном дополняет, а не разрушает старинные лояльности на местах» (Daalder, 2011: 196–197).

Нам такой концепт общественной нации не совсем подходит, потому что Нигерия, Замбия, Алжир, Малайзия и другие подобные государства суть де-факто расколотые на политизированные сегменты общества, у которых нет пары столетий, чтобы медленно вызреть к общественным нациям; счет в них идет максимум на десятилетия. Альтернативой этому является в лучшем случае относительно бескровный распад страны, а в более реалистичном варианте — та или иная форма военно-гражданского противостояния.

Причем это — типичная ситуация для многих современных многосоставных политий, особенно неевропейских. Так, известная в Малайзии политическая активистка З. Анвар, делясь в своем блоге впечатлениями от лекции местного политолога М. Алагаппа [Muthiah Alagappa], посвященной нациестроительству в азиатских странах, выделяет как раз концепт «многосоставной нации» [plural nation] как альтернативный дихотомии гражданской и этнической нации. М. Алагаппа, по словам З. Анвар, рассматривает Малайзию как пример «многосоставной нации», в которой есть «ядро» — малайская нация. Тем самым в концепте «малайзийской нации» обнаруживаются два измерения: этническое и гражданское. Этническое связано с особым положением малайцев как самого большого по численности и политически наиболее влиятельного этноса страны. А гражданское измерение акцентирует гражданство по рождению на государственной территории, а также демократию и конституционную основу малайзийского государства. Такое сочетание этнических и гражданских особенностей в процессе формирования нации было охарактеризовано малайзийским профессором как «историческая сделка, социальный договор». (Anwar, 2012). Как видим, малайзийский кейс ближе нигерийского к российской многосоставной федерации, где также имеется русский этнос в качестве ядерного сегмента и где перспектива формирования гражданской российской нации относится к наиболее острым вопросам политической повестки дня.

По словам А. Лейпхарта, «сотрудничество элит — первая и основная отличительная черта общественной демократии» (Лейпхарт, 1997: 36). Сотрудничество элит, основанное на их взаимном и прочном доверии, составляет основу и общественной нации — помимо формально-институционального дизайна, от которого мы в данной статье абстрагируемся.

Вопрос, который у А. Лейпхарта напрашивается постановкой проблемы общественного правления, — это вопрос о том, в чем состоят его недостатки (риски) с точки зрения гражданского нациестроительства в плюралистическом обществе. Успешное сотрудничество элит как суть общественного правления ведет

к внутренней консолидации сегментов, в том числе вокруг их лидеров, что делает сегменты более однородными и самодостаточными. Но это создает не только риск для демократического правления: в какой мере «изолированность и автономия сегментов могут служить препятствиями к достижению равенства в обществе в целом» (Лейпхарт, 1997: 84); одновременно это в тенденции затрудняет и формирование типичной для Европы гражданско-национальной идентичности поверх сегментарных различий в обществе. Но именно поэтому нужна общественная национальная идентичность как первый шаг на пути к гражданской нации, как национальная общность на уровне союза сегментарных элит — своего рода подобие сословной нации раннего Нового времени в Европе.

По словам О. Данна, «сословная нация как самая ранняя форма политической нации, уже могла претендовать на роль носительницы ранних форм современного национального движения и связанного с ними национализма; в союзе или в противоборстве с королевской властью она могла становиться сувереном национального государства в его ранней форме» (Данн, 2003: 12). Вызовов (геополитических, экономических, экологических и пр.), аналогичных прежней королевской власти, сегодня тоже может быть предостаточно, чтобы сплотить лидеров современных многосоставных политий в подобие сословной нации. Но и ограниченность такой основы нации тоже налицо: без дальнейшей трансформации общественной нации — через этап нации государственной — в полноценную гражданскую нацию с широким социальным базисом такая политическая конструкция вряд ли может быть долговечной.

Для обсуждения вопроса о перспективах формирования общественных наций в расколотых на сегменты многосоставных обществах следует ответить на принципиальные вопросы, которые ставит А. Лейпхарт в своем классическом труде: «Должны ли экономическое развитие и формирование нации стоять в нашей шкале ценностей выше, чем демократия? ...Может ли недемократический режим достичь этих целей быстрее и эффективнее, чем демократический?» (Лейпхарт, 1997: 263). Введением различия между общественной, государственной и собственно гражданской нациями мы отчасти смягчаем постановку этого вопроса, как бы дифференцируя его; но это не отменяет актуальности критики А. Лейпхартом тезиса, высказанного в свое время авторами, которые исследовали многосоставные постколониальные общества (прежде всего, Дж.С. Ферниваллом и М.Г. Смитом). А они утверждали, что последние *в принципе* не способны сохранить демократическое правление, даже если силой обстоятельств на время его обретают. В самом деле, многочисленные примеры не только постколониальных, но и постсоциалистических многосоставных политий этот тезис как будто подтверждают: они либо распались, либо перешли к авторитарным режимам, использующим силовое (физическое и ментальное) принуждение в качестве главного способа сохранения своей территориальной целостности.

Чтобы признать саму возможность относительно стабильного и продолжительного демократического правления в сложносоставном обществе, надо увидеть в его сегментарной структуре средство, а не препятствие для строительства демократического порядка. Но именно это не приемлют многие теории модернизации, разработанные на основе западного политического опыта и импортированные в иные политические пространства. Эти теории исходят из очевидного для них предположения, что необходимым предварительным условием для демократических

форм правления является культурная в широком смысле (включая и политическую культуру) однородность общества (Лейпхарт, 1997: 53). Западноевропейский же опыт подсказывает им, что такая однородность есть эффект нациестроительства. Отсюда делается вывод (для Лейпхарта, однако, отнюдь не очевидный), что проект nation building должен и в постколониальных странах опережать проект democracy building, подразумевая «искоренение первичной субнациональной идентификации» (т.е. традиционных, религиозных, семейных и этнических центров политического влияния) в пользу преданности «единой светской общенациональной политической власти» (Лейпхарт, 1997: 54).

На практике эта стратегия может выражаться в попытках ускорить гомогенизацию социокультурной структуры плюралистического общества путем интенсификации контактов между представителями разных сегментов. А. Лейпхарт советует не злоупотреблять такой практикой: ведь некоторые субкультурные образцы и ориентации могут резко противоречить друг другу, поэтому интенсификация контактов может привести не к «дружбе и сотрудничеству», а к эскалации межсегментарной напряженности, которую элитам потом трудно будет погасить. То, что кажется очевидным с точки зрения теории частично совпадающего членства в различных общностях (что контакты между разными людьми и группами способствуют развитию их взаимопонимания (Лейпхарт, 1997: 125)), в многосоставном обществе может производить обратный эффект. И это лишний раз показывает, что этнокультурное многообразие западных обществ есть нечто принципиально иное, чем этнокультурная сегментация многосоставных политий.

Расколотому на враждующие политизированные сегменты многосоставному обществу до сильного, пусть даже авторитарного, государства надо еще дожить, чтобы вручить ему миссию строительства нации; а пока такого государства нет, «демократия, особенно в ее общественной форме, является лучшим объединителем нации, чем недемократический режим. В краткосрочной перспективе общественная демократия обычно усиливает неоднородность плюралистического общества, однако за более продолжительный период своего успешного функционирования общественная система может разрешить по крайней мере некоторые наиболее острые противоречия между сегментами и тем самым лишить межсегментарную рознь политического характера. Она способна также значительно укрепить взаимное доверие как среди элит, так и на массовом уровне, после чего надобность в общественности отпадает» (Лейпхарт, 1997: 265).

Тезис о том, что непрямым предварительным условием демократии является национальная консолидация, верен только при переходе от государственной к гражданской нации, от state-nation к nation-state. И такие случаи есть везде, включая Африку. Но в условиях сегментарных расколов многосоставного общества А. Лейпхарт предостерегает от «далеко идущих последствий» такой политики, замечая, что «ввиду особой устойчивости чувства принадлежности к первичным общностям любая попытка резко ослабить его не только имеет ничтожно малые шансы на успех, особенно в краткосрочной перспективе, но может дать обратный эффект и стимулировать сплочение внутри сегментов, даже спровоцировать насилие в отношениях между ними, а не общенациональное единение» (Лейпхарт, 1997: 59).

Конкретизируем теперь постановку вопроса о перспективах образования общественной нации на конкретном случае современной Нигерии.

Нигерия как расколотое общество

Из-за неразвитости гражданского общества «наиважнейшей особенностью процесса формирования наций в постколониальных странах является изначально ведущая роль в нем не общества, а государства» (Бондаренко, 2016: 225), как замечает известный российский антрополог-африканист Д.М. Бондаренко. Поэтому общественный тип нациестроительства остается, наверное, единственной возможностью для многосоставных политий, где наличные структуры государства слабы, а традиции сильной централизованной государственности отсутствуют; где нет доминирующего сегмента с ведущей культурой, нет общей для страны экзистенциальной угрозы; наконец, где с трудом конструируется общая историческая память. Так, Д.М. Бондаренко, сравнивая случаи африканского нациестроительства, замечает, что в отличие от Танзании, представляющей «счастливое исключение из правила, Замбия, как и большинство постколониальных государств Африки, не имеет такой ‘объективной’ — хотя бы отчасти доколониальной — основы национального единства» (Бондаренко, 2016: 233).

К таким «несчастливым» случаям относится и Нигерия.

Эта страна на протяжении всей своей истории является одним из наиболее проблемных (с политической точки зрения) многосоставных обществ (Osaghae, Suberu, 2005: 5). Важно отметить, что с момента своего становления в качестве независимого государства Нигерия столкнулась с многолетним кризисом территориальной и государственной легитимности, который препятствовал демократизации, стабильности и экономическим преобразованиям в стране (Maier, 2000: 368). В настоящий момент население Нигерии насчитывает более 190 млн. чел. и представлено более 374 этническими группами разной численности. При этом каждая группа часто отождествляется с определенным языком, культурой и/или религией. Три крупнейшие народности — хауса-фулани на севере (29% всего населения), йоруба на юго-западе (21%) и игбо на юго-востоке (18%) (Maier, 2000: 66) — составляют более половины всего населения Нигерии, тогда как все остальные этнические группы (более двух сотен) квалифицируются как меньшинства. В конфессиональном плане страна разделена на «мусульманский Север» и «христианский Юг», и в то же время северо-центральная часть Нигерии (так называемый средний пояс [middle belt region]) представляет собой смесь христианского и мусульманского населения.

С учетом указанных особенностей Нигерия характеризуется в трудах современных исследователей как расколотое общество, в котором основные политические проблемы активно оспариваются по линии сложных этнических, религиозных и региональных разделений (Smyth, 2001: 17). Соответственно анализ нигерийской политики всегда осуществлялся на основе определенного набора понятий, среди которых наиболее значимыми были этническая и религиозная идентичность. Этническая идентичность многими учеными считается наиболее значимой среди прочих идентичностей в Нигерии, причем ей — как фактору, способствующему поляризации и конфликтам, — приписывается в основном дестабилизирующее влияние на демократию (Lewis, 2007: 3, 11). Однако в научной литературе высказывается и мнение, что господствующей формой идентичности в Нигерии является скорее религиозная, чем этническая (Deneulin, Rakodi, 2011).

Общепризнано, что религия всегда занимала важное место в жизни нигерийского общества, будучи значимым фактором в нигерийской политике (Ifeanyi, Enwerem, 1995: 56). Дж. Паден, известный американский профессор, изучающий влияние

религии на формирование идентичности нигерийцев, утверждает: уровень религиозной привязанности в Нигерии считается одним из самых высоких в мире (Paden, 2008: 44). Такой порядок вещей усугубляется географической локализацией религиозных и этнических групп, члены которых имеют разную социокультурную идентичность (или — как обычно пишут в СМИ — «мусульманский Север» и «христианский Юг»), что часто создает вероятность конфликтов (Paden, 2006: 125). Данный вывод подтверждается тем фактом, что нигерийцы прежде всего отождествляют себя с религиозной группой, к которой принадлежат. Это ярко иллюстрируют данные социологического опроса «Религия и общественная жизнь в Нигерии», проведенного в 2006 г. американской социологической службой «The Pew Forum on Religion & Public Life» (Ruby, Shah, 2007).

Особый интерес в контексте нашего исследования представляет позиция нигерийцев относительно того, что является главным при формировании идентичности: национальность, религия, этническая группа, принадлежность к категории «африканец» или другое. Заметим, что понятие национальности в Нигерии специфично. Каждый нигериец имеет паспорт, в котором — как и в паспорте россиян — указываются фамилия, имя, отчество, место рождения, где, кем и когда выдан документ. Однако наряду с паспортом еще одним гражданским документом, обязательным для всех граждан Нигерии, является так называемый сертификат этнической принадлежности (Indigene certificate). В нем указывается место этнического происхождения человека, его «историческая родина». Это информация о том, к какой именно этнической группе нигериец относится, тогда как паспорт удостоверяет, что данный человек является гражданином государства Федеративная Республика Нигерия.

Согласно данным социологического опроса, проведенного в 2016 г. «Центром социологических и экономических исследований» в г. Ибадан, 76% нигерийских христиан убеждены, что религия для них важнее, чем их идентичность в качестве африканцев, нигерийцев или представителей той или иной этнической группы. При этом среди мусульман число тех, кто назвал религию наиболее важным фактором при определении идентичности, оказался ещё выше и составил 91% (Uwah, 2017). Этот разрыв доказывает, что религия, а не национальность (этническая принадлежность), является принципом, в соответствии с которым большинство нигерийцев предпочитают себя идентифицировать.

С исторической точки зрения идентичность всегда была важным фактором в нигерийском политическом процессе, еще с колониального периода и до наших дней. В колониальную эпоху британцы создавали и распространяли идеологию разделения по принципу «Мы vs. Они»: мусульмане были настроены против христиан; северяне против южан; люди, говорящие на языке хауса-фулани против говорящих на йоруба, а те были против говорящих на игбо и т.д. Таким образом британцами реализовывался принцип «разделяй и властвуй» (divide and rule) (Acemoglu, Verdier, Robinson, 2004), причем манипулирование идентичностями и целенаправленное создание социально-политической напряженности между разными группами нигерийского общества наблюдалось и в период деколонизации, даже при осуществлении конкурентной политики в постколониальную эпоху (Jega, 2000: 24).

Вследствие этого наблюдается сильное недоверие между различными религиозными группами в Нигерии. Упомянутый социологический опрос позволил зафиксировать, что большинство христиан страны (62%) почти не доверяют либо совсем не доверяют представителям других религий. Аналогичное мнение вы-

сказали и нигерийские мусульмане (61%). Важно отметить, что согласно данным социологического опроса 2016 г., проведенного «Центром гуманитарного диалога Нигерии», существует тенденция к усилению взаимного недоверия среди представителей различных этнорелигиозных групп страны. Почти 90% респондентов отождествляют себя на основе религиозной и этнической, а не гражданско-национальной идентичности.

Согласно данным проведенного нами в 2017 г. в Нигерии экспертного интервью, 80% респондентов считают, что этническая и религиозная идентичность для нигерийцев важнее, чем общенациональная. В ходе интервью мы также обсудили вопрос: «Доверяют ли друг другу различные этнические и религиозные группы в Нигерии настолько, чтобы в перспективе жить друг с другом в мире и согласии?». При этом 90% экспертов ответили отрицательно. Так, К. Багу, руководитель «Движения когнитивной юстиции» в Нигерии, считает, что «доверие этнических групп друг к другу утрачено». По его мнению, это, с одной стороны, стало результатом исторических обид, которые накапливались в течение долгих лет внутреннего конфликта и породили в итоге сильную отчужденность внутри нигерийского общества. С другой стороны, это следствие глубокой преданности конкретной этнической и религиозной группы своим традициям, верованиям, социокультурным ценностям, что влечёт за собой отторжение всего, что обозначается социальным маркером «чужое».

Доверие между лидерами политизированных этнокультурных сегментов является, как уже указывалось, ключевым моментом в строительстве общественной нации в расколотых обществах вроде Нигерии. По мнению профессора М. Хаггай из университета Джоса, высказанному ей в нашем интервью, общее социальное доверие в Нигерии по-прежнему разрушается в результате того, что снижается уровень доверия к органам местного самоуправления, местным (региональным) лидерам и местным (региональным) средствам массовой информации, где часто манипулируют фактами, что порой непреднамеренно усиливает этнические разногласия. Нигерийский социолог Дж. Малами подтверждает, что между нигерийскими этническими и религиозными группами царит взаимное недоверие. Во многом это обусловлено низким уровнем осведомленности жителей Нигерии о других этнокультурных группах, населяющих страну. В силу этого нигерейцы, вступая в отношения с соотечественниками, принадлежащими к другим этнорелигиозным группам, как правило, полагаются на социальные мифы и стереотипы.

О перспективах нигерийской общественной нации

Обсуждая пути консолидации разных этнических групп нигерийского многосоставного общества и создание в нем атмосферы доверия, мы обсудили в наших интервью следующий вопрос: «Каким образом экономическое и социальное неравенство влияет на социальную сплоченность и этнополитическую стабильность нигерийского общества?» В целом эксперты считают, что социально-экономическое неравенство создает негативную атмосферу в обществе, порождает взаимное недоверие и неприязнь. Известный нигерийский социолог Д. Лука, профессор университета Джос, прокомментировал свою позицию следующим образом: «Препятствием на пути к социальной сплоченности на основе доверия являются не этнические или религиозные различия внутри нигерийского общества, а неравный доступ к экономическим ресурсам. Дело здесь только в том, что исторически сложилось так:

одна этническая группа, получив к ним доступ, занимает доминирующую позицию и не пускает других».

Впрочем, запрос на гражданскую нацию в Нигерии — судя по данным социологических опроса и результатам проведенного нами экспертного интервью — имеется. Так, в ходе дальнейшей беседы мы задавали экспертам вопрос о том, «*нужна ли Нигерии национальная стратегия по строительству гражданской нации?*» Подавляющее большинство экспертов ответили утвердительно. И важно отметить эту интенцию на гражданский идеал нации — независимо от того, насколько велики шансы его реализации в многосоставной политике. Наличие этой перспективы, такой интенции в сознании элит де-факто расколотого общества очень важно — это позволяет говорить о возможности общей концептуальной основы, логики нациестроительства в многосоставных политиках.

Проблема формирования нигерийской нации — это не только предмет озабоченности местного экспертного сообщества, но и актуальный вопрос политической повестки дня в этой стране. В частности, он был в центре внимания Национальной конференции, прошедшей 17 марта 2014 г. в г. Абуджа, нынешней столице Нигерии. Там обсуждались вопросы укрепления гражданской нации и гражданского самосознания нигерийцев. В ходе состоявшейся дискуссии участники конференции пришли к выводу, что идентичность гражданской нигерийской нации — это чувство принадлежности к нигерийскому обществу, народу, территории, осведомленность об истории, традициях страны, этническом разнообразии. В то же время это символы и ценности, язык и культура, совместно пережитые победы и поражения. Это готовность идти и бороться за общие наши интересы, а именно такое чувство формируется в общественном сознании путем распространения идеологии «единства в многообразии».

Участники конференции составили своего рода обобщенную карту интересов всех нигерийцев, независимо от их этнической принадлежности. И главными среди этих интересов касаются реализации универсальных гражданско-демократических принципов: равенство всех перед законом, соблюдение прав человека, реализация социальной справедливости, уважение достоинства людей. Важно на уровне общественной нации элит внушать мысль, что все эти высокие принципы можно реализовать в условиях нигерийского многосоставного общества не отменой национальности (этничности), но объединением людей всех национальностей (народов, народностей, этносов) на основе гражданского согласия. Как заметил в ходе проведенного нами экспертного интервью Д. М. Бондаренко, «несмотря на внутренние противоречия, существующие в Нигерии, на протяжении минувшего десятилетия выработалось нигерийское самосознание, выраженная тезисом "one people — one nation". По мнению российского ученого-африканиста, формирование гражданской нации — это длительный процесс, который должен происходить при непосредственном участии таких социальных и политических институтов, как СМИ и образовательная система. Немаловажно при этом, какие идеи и ценности, какая в широком смысле идеология транслируется в медийной и образовательной системах общества. Аргументируя свою позицию по вопросу о стратегии строительства нигерийской гражданской нации, М. Лаваль, политолог федерального университета Зари, отметил в ходе нашего с ним экспертного интервью, что необходима не просто стратегия, «но национальная идеология, на основе которой должно происходить строительство гражданской нации».

Вопрос идеологии как неформального института нациестроительства особенно важен в случае общественной нации, поскольку зачастую формальные институты — из-за проблем межсегментарного взаимодействия — здесь слабые, краткосрочные, неэффективные. В этой ситуации особую роль играют два взаимосвязанных момента: во-первых, культурный обмен между сегментами расколотого общества и, во-вторых, апелляция к общим (прежде всего для самой Африки) гуманистическим идеалам и ценностям.

Первый момент непосредственно связан с тем, что американский антрополог Д. Дж. Краули назвал «аккультурацией» (Crowley, 1957). Под этим феноменом понимается результат продолжительного непосредственного контакта групп индивидов различных культур с последующим изменением изначальных культурных черт одной или обеих групп. Аккультурация — если она не имитируется и не навязывается силой — работает на строительство национальной идентичности многосоставного общества: когда все его члены осведомлены об этнокультурных особенностях входящих в него групп и уважительно к ним относятся, это рождает взаимопонимание и доверие, предотвращая социальную фрагментацию (Crowley, 1957: 820). К примеру, в Мали, расколотом сразу по нескольким линиям (религиозным, языковым, расовым, имущественным) обществе, эффект аккультурации рождает всем понятная музыка, а также творчество гриотов, профессиональных исполнителей фольклорного наследия местных племен, которых В.Р. Филиппов и Э.Т. Дикко прямо называют «непосредственными участниками процесса строительства нации» (Филиппов, Дикко, 2016: 291). Помимо гриотов, эти авторы указывают также на позитивную интегративную роль традиционных форм ритуального упреждения конфликтов вроде встречающегося в Западной Африке обычая сенанкуя (взаимного вышучивания с опорой на семейные легенды)¹².

Что касается второго момента, связанного с пропагандой гуманизма, то здесь следует указать на значительный интегративный потенциал африканской философии убунту (слово *ubuntu* в зулусском языке означает человечность, доброту, гуманизм). Семантика концепта убунту не ограничивается его партикулярными смыслами в языках банту, использующих слово убунту или его эквиваленты, но включает в себя мировоззрение других африканских этносов к югу от Сахары, разделяющих сходные идеалы. Нобелевский лауреат и известный религиозный деятель Африки Д.М. Туту, характеризуя убунту и ее социальную значимость, писал: «человек с убунту открыт и доступен для других, принимает других, не страдает от того, что другие лучше и способнее, и все это — на основе глубокой убежденности, идущей от понимания того, что он или она принадлежит великому целому и умаляется, когда другие страдают или угнетены» (Tutu, 1999: 271).

¹² «Сенанкуя признает особые родственные связи между семьями посредством социального обычая публичного оскорбления и высмеивания друг друга. Например, всякий раз, когда встречаются два человека с древними именами Траоре и Конде, один из них обязательно объявит другого своим «рабом». Тот в ответ будет смеяться и отвергать это, называя, в свою очередь, «рабом» своего собеседника. Эти двое могут продолжать смеяться и оскорблять друг друга в течение нескольких минут, рассказывая смешные истории о семьях друг друга. Местные прохожие ценят этот юмор и, вероятно, делают то же самое, когда встречают кого-то из семьи, с которой у них отношения сенанкуи. Такого рода обмена напоминают членам обеих семей об их исторических связях и показывают, что между ними никогда не может быть ничего плохого» (Conrad, 2005: 91).

По мнению некоторых исследователей, концепт убунту присутствует едва ли не во всех регионах Африки; в частности, в Танзании он нашел отражение в теории африканского социализма уджамаа¹³, выдвинутой первым президентом этой страны Дж. Ньерере (Sigger, Polak, & Pennink, 2010: 10). Основу такой смысловой общности убунту, уджамаа и подобных им концептов составляет гуманистическая идея культурной близости и родства африканских народов (Ramose, 1999: 46). По нашему мнению, данная философско-мировоззренческая система доказала свое право на практическое применение при урегулировании актуальных этнокультурных противоречий и формировании национальной идентичности в условиях этнокультурного и религиозного многообразия большинства африканских стран. В известном смысле общественная нация в условиях разделенного на сегменты общества просто вынуждена практиковать и пропагандировать *communitas*, апеллируя к общечеловеческим идеям, а не к партикулярным языкам, традициям и обычаям.

Выводы

Концепты, описывающие проблемы идентичности в западных обществах с этнокультурным разнообразием (сложносоставная, двойная, гибридная и т.п. идентичность), требуют уточнения в случае многосоставных политий, где они тоже являются цельными и однозначными по своей природе. Мы считаем понятие многосоставной (двойной, гибридной) национальной идентичности, «нации наций» и т.п. типичной для эссенциалистского подхода мистификацией концепта идентичности. Вместе с радикально-конструктивистским концептом национальной идентичности, стирающим существенность как ее внутренних различий, так и ее отличий от других социальных общностей, эти две методологические крайности, во-первых, обезоруживают политическую науку в анализе проблем нациестроительства; во-вторых, выполняют идеологическую функцию, конструируя псевдотеоретическое обоснование тезиса о наличии в России гражданской нации.

Мы понимаем под национальной идентичностью относительно заверченный результат идентификационной практики индивидов, которая заключается в сознательном отнесении себя к социальной общности, обладающей признаками нации, которую мы анализируем в духе модернистской, а не примордиалистской парадигмы. Это предполагает существенность отличия нации от других социальных общностей, а также принципиальность отличия гражданской нации от других типов нации. Излишне оптимистические выводы относительно развития в России гражданской идентичности есть результат идеологических пристрастий либо теоретических дефицитов при проведении эмпирических, в частности социологических, исследований. Интерпретация данных социологических опросов с позиции концепта многосоставных обществ позволяет точнее идентифицировать структуру российского общества как расколотого на этнокультурные сегменты и в этом смысле аналогичного другим многосоставным политиям с незавершенным гражданским нациестроительством.

¹³ Слово *ujamaa* в суахили буквально значит деревенская община, семья, а также чувство семейной и вообще любой человеческой общности.

Мы рассматриваем национальное строительство, отвечающее специфике многосоставных политий, как исторический процесс, в ходе которого последовательно сменяют друг друга три национальных проекта: общественный, государственный и собственно гражданский. Данная типология корреспондирует с концептами «государства-нации» (А. Степан, Х. Линц, Ё. Ядав) и «национализирующего государства» (Р. Брубейкер). Из упомянутых трех типов нации только первый и последний требуют в качестве необходимого условия демократические порядки, хотя и разные: в случае гражданской нации — демократию большинства, а в случае общественной нации — демократию консенсуса. Случай России мы относим ко второму (государственному) типу нациестроительства в многосоставных политиях, трактуя его по аналогии с нациестроительством в Индии и Китае. Нигерийский случай мы рассматриваем по модели общественного нациестроительства.

Сообщественную нацию мы понимаем — отчасти с опорой на аналогичный концепт, используемый Х. Даалдером, — как эффект межсегментарного взаимодействия (прежде всего на уровне договаривающихся элит) в условиях многосоставного общества и как первый шаг на пути к гражданской нации, которая в условиях такого общества возможна только в отдаленной исторической перспективе. В этой связи остаются актуальными предостережения А. Лейпхарта о рисках авторитарной политики ускоренного нациестроительства в многосоставных политиях. Ввиду устойчивости идентификационных связей с сегментарными общностями, любые попытки резко их ослабить не столько приведут к национальному единению этих общностей, сколько спровоцируют между ними насильственные конфликты. Напротив, система общественной демократии, основанная на сотрудничестве элит, способна в значительной мере деполитизировать межсегментные различия, повысить общий уровень доверия в плюралистическом обществе и сформировать у элит чувство национальной солидарности.

Нигерия как расколотое по целому ряду признаков общество представляет собой один из наиболее проблемных случаев нациестроительства в современной Африке. Нигерийский кейс характерен для тех постколониальных стран, где структуры государства не настолько сильны, чтобы организовать строительство нации поверх сегментарных элит, где нет доминирующего (политически и/или культурно) сегмента, где отсутствует очевидная общая угроза в настоящем и объединяющая все сегменты общества историческая память. В этой ситуации выстраивание доверительных отношений между лидерами сегментов нигерийского общества выступает ключевым моментом строительства общественной нации как первого этапа на пути нигерийцев к гражданской нации.

Нигерийский кейс показывает, что общественная нация имеет в двояком смысле узкую социальную базу по сравнению с упомянутыми ранее государственной и гражданской нациями: во-первых, она ограничена элитами многосоставного общества; во-вторых, она во многом носит не столько «воображаемый» (в смысле Б. Андерсона), сколько «переживаемый» (в личном доверительном и символически усиленном общении элит) и «осмысляемый» (в философско-идеологических концептах вроде убунту) характер. Кроме того, важна изначальная интенция акторов проекта общественной нации на идеалы и принципы гражданской нации, а также на использование практик аккультурации как стратегической культурной основы гражданского вектора национального развития.

Библиографический список

- Абдулатипов, Р. Г. (2005). *Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях*. М.: Научная книга. Режим доступа <https://history.wikireading.ru/24534>
- Авксентьев, В. А., Аксумов, Б. В. (2010). Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора. *Социологические исследования*, 2, 18–27.
- Аузан, А. (2010). *Национальные ценности и модернизация*. М.: ОГИ; Полит. ру.
- Ачкасов, В. А. (2012). *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Беляева, Н. Ю. (2011). Двойная национально-политическая идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Политическая идентичность и политика идентичности*. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (с. 106–109). М.: РОССПЭН.
- Бондаренко, Д. М. (2016). Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (224–240). М.: Политическая энциклопедия.
- Геллнер, Э. (1991). *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Городецкая, Н. (2017, Март 7). Единство нации не выдержало критики. *Коммерсантъ*. Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/3235995>
- Данн, О. (2003). *Нации и национализм в Германии 1770–1990*. С.-Петербург: Наука.
- Дробижева, Л. М. (2010) Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12 (320), 49–58.
- Иванова, С. Ю., Шульга М.М. (2010). «Русская этническая» и «Российская» идентичность: соотношение понятий. *Вестник Южного научного центра РАН*, 6 (4), 96–104.
- Кудряшова, И. В. (2017). Гибридная политическая идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 365–368). М.: Весь Мир.
- Кульпин, Э. С. (2009). Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски. *Полис. Политические исследования*, 5, 158–169.
- Лейпхарт, А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс.
- Лубский, А. В. (2015). Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России. *Гуманитарий Юга России*, 2, 30–45.
- Лубский, А. В., Посухова, О. Ю. (2016). Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России. *Власть*, 8, 39–47.
- Малахов, В. (2002). Преодолимо ли этноцентрическое мышление? В В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова (ред.) *Расизм в языке социальных наук* (с. 9–22). СПб.: Алетейя.
- Миллер, А. (2008). Нация-государство или государство-нация? *Россия в глобальной политике*, 5. Режим доступа http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632
- Миллер, А. (2008). Тема нации в российской политике последних лет. В Н. Ю. Лапкина (ред.) *Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен*. М.: ИНИОН РАН.
- Морозова, Е. В. (2017). Сложносоставная идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 325–334). М.: Весь Мир.
- Паин, Э., Федюнин, С. (2017). *Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль.
- Перегудов, С. П. (2017). Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 163–170). М.: Весь Мир.

- Проект Федерального Закона № 369190–3 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (2017). *Зона закона.РУ*. Режим доступа <https://www.zonazakona.ru/law/projects/217/>
- Путин, В. В. (2012, Февраль 5). Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22349>
- Путин, В. В. (2012, Январь 23). Россия: национальный вопрос. *Независимая газета*. Режим доступа http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Ремизов, М. (2011, Сентябрь 12). Пять причин быть русскими. *Русский обозреватель*. Режим доступа <http://www.rus-obr.ru/ru-web/13505>
- Степанова Л. А. (ред.). (2017). *Развитие общегражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества*. М.: Народное образование.
- Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 3. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян (2008). *Полис. Политические исследования*, 3, 9–28.
- Российская нация должна состоять из самобытных народов — Медведев. (2011, Февраль 11). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/politics/20110211/333366199.html>
- Семененко, И. С. (2017). Национальная идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 365–368). М.: Весь Мир.
- Смит, Э. (2004). *Национализм и модернизм*. М.: Праксис.
- Тишков, В. А. (2011). *Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ.
- Тишков, В. А. (2013). Понимание нациестроительства в России в мировом контексте. В От Древней Руси к Российской Федерации. *История Российской государственности. (Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 28–29 сентября 2012)* (с. 58–67). СПб.: Алетейя.
- Тишков, В. А. (2016). Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 7–18.
- Филиппов В. Р., Дикко, Э. Т. (2016). Мали на пути к национальному единству. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 274–294.
- Филиппова, Е. И. (2016). Нации, государства, культуры. В В. А. Тишков, Е. И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 19–34.
- Хобсбаум, Э. Дж. (2002). Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. В Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. (ред.) *Нации и национализм* (с. 332–346). Москва: Праксис.
- Шабаев, Ю. П. (2011). Этнический национализм и гражданская нация в современной России. В В. А. Тишков и В. В. Степанова (ред.) *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад* (с. 69–83). М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Шнирельман, В. А. (2007). Цивилизационный подход как национальная идея. В В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.) *Национализм в мировой истории* (с. 82–104). М.: Наука.
- Acemoglu, D., Verdier, T., & Robinson, J. A. (2004). Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2 (2–3), 162–192.
- Anwar, Z. (2012, June 3). Sharing the Nation. *From Ethnic to Civic Nation Building*. Retrieved from <https://documents.tips/documents/ethniccivic-nation-building.html>.
- Barnes, M. L. (2013). *Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China*. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of

- Arts Degree in History. The University of Toledo. Retrieved from <http://utdr.utoledo.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=theses-dissertations>
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11), 1785–1814.
- Conrad, D. C. (2005). *Empires of medieval West Africa: Ghana, Mali, and Songhay*. New York: Facts On File, Inc.
- Crowley, D. J. (1957). Plural and differential acculturation in Trinidad. *American Anthropologist*, 59 (5), 817–824.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23 (3), 355–370.
- Daalder, H. (2011). *State Formation, Parties and Democracy. Studies in Comparative European Politics*. Colchester: ECPR Press.
- Deneulin, S., & Rakodi, C. (2011). Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years on. *World Development*, 39, 1, 45–54.
- Ifeanyi, M., & Enwerem, O. P. (1995). *A Dangerous Awakening: The Politicization of Religion in Nigeria*. Berlin: IFRA.
- Jega, A. (2000). *Identity transformation and identity politics under structural adjustment in Nigeria*. Stockholm: Elanders Gotab.
- Lewis, P. (2007). *Identity, Institutions and Democracy in Nigeria. African Barometer Working Paper*. Cape Town: IDSA.
- Lijphart, A. (1971). Comparative Politics and the Comparative Method. *The American Political Science Review*, 65 (3), 682–693.
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21 (2), 207–225.
- Maier, K. (2000). *This House Has Fallen: Midnight in Nigeria*. New York: Public Affairs.
- Melucci, A. (1996). *Challenging codes: collective action in the information age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Osaghae, E. E., Suberu, R. T. (2005, January). A History of Identities, Violence and Stability in Nigeria. *Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity. Crise Working Paper*, 6. Oxford: University of Oxford.
- Paden, J. N. (2008). *Faith and Politics in Nigeria: Nigeria as a Pivotal State in the Muslim World*. Washington DC: United States Institute of Peace.
- Paden, J. N. (2006). *Muslim civic cultures and conflict resolution: the challenge of democratic federalism in Nigeria*. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Ramose, M. B. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare: Mond Books.
- Rebouché, R., & Fearon, K. (2005). Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights. In I. O'Flynn and D. Russell (Eds.) *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies* (pp. 155–171). London –Ann Arbor, MI: Pluto Press.
- Ruby, R., & Shah, T. S. (2007, March 21). Nigeria's Presidential Election: The Christian-Muslim Divide. *Pew Forum on Religion & Public Life*. Retrieved from <http://www.pewforum.org/2007/03/21/nigerias-presidential-election-the-christian-muslim-divide/>
- Sigger, D. S., Polak, B. M., & Pennink, B. J. W. (2010, July). 'Ubuntu' or 'humanness' as a management concept: Based on empirical results from Tanzania. *CDS Research Report*, 29 (ISSN1385–9218).
- Smith, A. D. (1991). *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smyth, M., Robinson, G. (2001). *Researching Violently Divided Societies: Ethical and Methodological Issues*. London: Pluto Press.
- Stepan, A. (2005). Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic “state-nation”? Post-Soviet affairs. *Columbia*, 4, 279–308.

- Stepan, A., Linz, J. J., & Yadav, Y. (2010). The Rise of "State-Nations". *Journal of Democracy*, 21 (3), 50–68.
- Tutu, D. (1999). *No Future without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission*. London: Rider.
- Uwah, I. E. (2017). The Representation of African Traditional Religion and Culture in Nigeria Popular Films. *Politics and Religion Journal*, 5 (1), 81–102.

Статья поступила в редакцию 04.07.2018

Статья принята к публикации 03.09.2018

Для цитирования: Поцелуев С.П., Тимкук Дж.А. Многосоставные общества между государственной и общественной нацией. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 96–125.

PLURAL SOCIETIES BETWEEN THE STATE NATION AND CONSOCIATIONAL NATION

S. P. Potseluev, J. A. Timkuk

Sergey P. Potseluev, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: spotselu@mail.ru · <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Julfa A. Timkuk, Ministry of Foreign Affairs, Plot 465, Alex Ekueme Way, Jabi District, Abuja, Nigeria

E-mail: julfa.timkuk@gmail.com

Acknowledgements. The paper was written within the framework of the research supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project № 18-011-00906 "Cognitive and Ideological matrix of perception of modern socio-political crises by the students in the South of Russia".

Abstract. This paper is aimed at understanding the problems of nation-building in plural societies. For this purpose, the authors carry out a critical analysis of the key concepts actively used by Russian scientists in the discussion of the correlation of the terms: nation, national identity, civil nation, Russian nation, etc. The authors reject the essentialist mystification (reification) and postmodern relativization of the above-mentioned concepts as counterproductive in scientific terms and politically biased. Based on the modernist-constructivist interpretation of the nation phenomenon, the authors propose a three-term scheme to better understand nation-building in plural societies, highlighting the consociational, state and civil types. The Russian case is hypothetically referred to the state type of nation-building. In this regard, the authors criticize the view, according to which there is no need for the construction of the Russian nation at all. To justify their approach, the authors base themselves on the concept of plural Russian society and the relevant sociological data. In view of their hypothetical concept, the authors consider Nigeria a "consociational nation". The paper draws a detailed picture of the plural Nigerian polity split along ethnic, religious, linguistic and other lines. The authors come to the conclusion that in this situation, the building of trustful relations between the segment leaders of the Nigerian society is the key point in the construction of a consociational nation and the first step on Nigeria's way to a civil nation of full value. A significant role of cultural and artistic acculturation, as well as philosophical ideas of Ubuntu, is emphasized in the paper.

Key words: plural society, national identity, the Russian nation, civic nation, nation-state, consociational nation, the Nigerian nation, trust, Ubuntu

DOI: 10.31429/26190567-19-3-96-125

References

- Abdulatipov, R. G. (2005). *Rossiyskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh* [The Russian Nation. Ethnic and Civil Identity of the Russians in Modern Conditions]. M.: Nauchnaya kniga. Retrieved from <https://history.wikireading.ru/24534>
- Acemoglu, D., Verdier, T., & Robinson, J. A. (2004). Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2 (2–3), 162–192.
- Achkasov, V. A. (2012). *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Policy of Identity in Multiethnic States in the Context of a Solution of the Problem of Security]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Univ.
- Anwar, Z. (2012, June 3). From Ethnic to Civic Nation Building. Sharing the Nation. Retrieved from <https://documents.tips/documents/ethniccivic-nation-building.html>
- Auzan, A. (2010). *Natsional'nyye tsennosti i modernizatsiya* [National Values and Modernization]. M.: OGI; Polit. ru.
- Avksent'yev, V. A., & Aksyumov, B. V. (2010). Portfel' identichnostey molodezhi yuga Rossii v usloviyakh tsivilizatsionnogo vybora [Portfolio of Youth Identities in the South of Russia in Terms of Civilizational Choice]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 18–27.
- Barnes, M. L. (2013). *Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China*. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of Arts Degree in History. The University of Toledo. Retrieved from <http://utdr.utoledo.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=theses-dissertations>
- Belyayeva, N. Yu. (2011). Dvoynaya natsional'no-politicheskaya identichnost' [Double national and Political Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnost'. V 2 t. T. 1 Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy* [Political Identity and Identity Politics: in 2 Vols. Vol. 1. Identity as a Category of Political Science: a Dictionary of Terms and Concepts] (pp. 106–109). Moskva: ROSSPEN, 106–109.
- Bondarenko, D. M. (2016). Postkolonial'nyy mir: formirovaniye natsiy i istoricheskoye proshloye [Post-colonial World: Formation of Nations and Historical Past]. In V. A. Tishkov, Ye. I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 224–240). M.: Politicheskaya entsiklopediya.
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11), 1785–1814.
- Conrad, D. C. (2005). *Empires of medieval West Africa: Ghana, Mali, and Songhay*. New York: Facts On File, Inc.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23, 3.
- Daalder, H. (1971). On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland. *International Social Science Journal*, 23 (3), 355–370.
- Daalder, H. (2011). *State Formation, Parties and Democracy. Studies in Comparative European Politics*. Colchester: ECPR Press.
- Dann, O. (2003). *Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990* [Nations and Nationalism in Germany 1770–1990]. S.-Peterburg: Nauka.
- Deneulin, S., & Rakodi, C. (2011). Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years on. *World Development*, 39, 1, 45–54.
- Drobizheva, L. M. (2010) Identichnost' i etnicheskiye ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and Ethnic Regulations of the Russians in Their Own and Other Ethnic Environments]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 12 (320), 49–58.
- Filippov V. R., Dikko, E. T. (2016). Mali na puti k natsional'nomu yedinstvu [Mali is on Its Way to National Unity]. In V. A. Tishkov, Ye. I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 274–294). M.: Politicheskaya entsiklopediya.

- Filippova, Ye. I. (2016). Natsii, gosudarstva, kul'tury [Nations, States, Cultures]. In V.A. Tishkov, Ye.I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 19–34). M.: Politicheskaya entsiklopediya.
- Gellner, E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. M.: Progress.
- Gorodetskaya, N. (2017, March 3). Yedinstvo natsii ne vyderzhalo kritiki [The Unity of the Nation Did Not Stand Up to Criticism]. *Kommersant* [Businessman], Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3235995>
- Hobsbawm, E. Dzh. (2002). Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Yevrope [The Principle of Ethnic Identity and Nationalism in Modern Europe]. In Anderson B., Bauer O., Hroch M. et al. (Eds.) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism] (pp. 332–346). Moskva: Praksis.
- Ifeanyi, M., & Enwerem, O. P. (1995). *A Dangerous Awakening: The Politicization of Religion in Nigeria*. Berlin: IFRA.
- Ivanova, S. Yu., Shul'ga M. M. (2010). "Russkaya etnicheskaya" i "Rossiyskaya" identichnost': sootnosheniye ponyatiy ["Russian Ethnic" and "Russia's" Identity: Correlation of Concepts]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Southern Scientific Center of RAS], 6 (4), 96–104.
- Jega, A. (2000). *Identity transformation and identity politics under structural adjustment in Nigeria*. Stockholm: Elanders Gotab.
- Kudryashova, I. V. (2017). Gibridnaya politicheskaya identichnost' [Hybrid Political Identity]. In I.S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 365–368). M.: Ves' Mir.
- Kul'pin, E. S. (2009). Al'ternativy rossiyskoy modernizatsii, ili restavratsiya Meydzi po-russki [The Russian Modernization Alternatives, or Meiji Restoration in Russian]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 5, 158–169.
- Lewis, P. (2007). *Identity, Institutions and Democracy in Nigeria. African Barometer Working Paper*. Cape Town: IDSA.
- Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 21 (2), 207–225.
- Lijphart, A. (1997). *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noye issledovaniye* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration]. Moskva: Aspekt Press.
- Lijphart, A. (1971). Comparative Politics and the Comparative Method. *The American Political Science Review*, 65 (3), 682–693.
- Lubskiy, A. V. (2015). Gosudarstvo-tsivilizatsiya i natsional'no-tsivilizatsionnaya identichnost' v Rossii [State-civilization and National-Civilizational Identity in Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2, 30–45.
- Lubskiy, A. V., Posukhova, O. Yu. (2016). Proekty natsiyestroitel'stva i modeli natsional'noy integratsii v Rossii [Projects of Nation-Building and National Integration in Russia]. *Vlast'* [The Authority], 8, 39–47.
- Maier, K. (2000). *This House Has Fallen: Midnight in Nigeria*. New York: Public Affairs.
- Malakhov, V. (2002). Preodolimo li etnotsentricheskoye myshleniye? [Is Ethnocentric Thinking Surmountable?]. In V. Voronkova, O. Karpenko, A. Osipova (Eds.) *Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Sciences] (pp. 9–22). SPb.: Aleteyya.
- Melucci, A. (1996). *Challenging codes: collective action in the information age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller, A. (2008). Natsiya-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsiya? [Nation-state or State-nation?]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Politics], 5. Retrieved from http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632
- Miller, A. (2008). Tema natsii v rossiyskoy politike poslednikh let ["Nation" in Russian Politics in the Recent Years]. In N. Yu. Lapkina (Ed.) *Dva prezidentskikh sroka V. V. Putina: dinamika peremen* [Two Presidential Terms of V. Putin: Dynamics of Changes]. M.: INION RAN.

- Morozova, Ye. V. (2017). Slozhnosostavnaya identichnost' [Compound Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 325–334). M.: Ves' Mir.
- Osaghae, E. E., Suberu, R. T. (2005, January). A History of Identities, Violence and Stability in Nigeria. *Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity. Crise Working Paper*, 6. Oxford: University of Oxford.
- Paden, J. N. (2006). *Muslim civic cultures and conflict resolution: the challenge of democratic federalism in Nigeria*. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Paden, J. N. (2008). *Faith and Politics in Nigeria: Nigeria as a Pivotal State in the Muslim World*. Washington DC: United States Institute of Peace.
- Pain, E., & Fedyunin, S. (2017). *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziyem* [Nation and Democracy: Perspectives on Managing Cultural Diversity]. M.: Mysl'.
- Peregudov, S. P. (2017). Rossiyskaya grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya natsiya: problemy formirovaniya i konsolidatsii [Russian Civil Identity and Political Nation: Problems of Formation and Consolidation]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 163–170). M.: Ves' Mir.
- Proyekt Federal'nogo Zakona № 369190–3 “Ob osnovakh gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii” (2017). [Draft of Federal Law No. 369190–3 “On the Basis of the National State Policy of the Russian Federation” (2017)]. *Zona zakona.RU* [Area of the Law.RU]. Retrieved from <https://www.zonazakona.ru/law/projects/217/>
- Putin, V. V. (2012, February 5). Vstupitel'noye slovo na rabochey vstreche po voprosam mezhnatsional'nykh i mezkhkonfessional'nykh otnosheniy [Opening Remarks at the Working Meeting on Interethnic and Interreligious Relations]. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22349>
- Putin, V. V. (2012, January 23). Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: the National Question]. *Nezavisimaya gazeta*. Retrieved from http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Ramose, M. B. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare: Mond Books.
- Rebouché, R., Fearon, K. (2005). Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights. In I. O'Flynn and D. Russell (Eds.) *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies* (pp. 155–171). London – Ann Arbor, MI: Pluto Press.
- Remizov, M. (2011, September 12). Pyat' prichin byt' russkimi [Five Reasons to be Russian]. *Russkiy obozrevatel'* [Russian columnist]. Retrieved from <http://www.rus-obr.ru/ru-web/13505>
- Rossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii. Analiticheskiy doklad. Chast' 3. Istorieskoye samosoznaniye i natsional'nyy mentalitet rossiyan. Sotsiokul'turnyye aspekty yevropeyskoy identichnosti rossiyan [Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report. Part 3. Historical Consciousness and National Mentality of the Russians. Sociocultural aspects of the European Identity of the Russians] (2008). *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 3, 9–28.
- Rossiyskaya natsiya dolzhna sostoyat' iz samobytnykh narodov — Medvedev [The Russian Nation Should Consist of Distinctive Peoples — Medvedev]. (2011, February 11). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/politics/20110211/333366199.html>
- Ruby, R., Shah, T. S. (2007, March 21). Nigeria's Presidential Election: The Christian-Muslim Divide. *Pew Forum on Religion & Public Life*. Retrieved from <http://www.pewforum.org/2007/03/21/nigerias-presidential-election-the-christian-muslim-divide/>
- Semenenko, I. S. (2017). Natsional'naya identichnost' [National Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 365–368). M.: Ves' Mir.
- Shabayev, Yu. P. (2011). Etnicheskiy natsionalizm i grazhdanskaya natsiya v sovremennoy Rossii [Ethnic nationalism and civil nation in modern Russia]. In V. A. Tishkov, V. V. Stepanova (Eds.)

- Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu. Yezhegodnyy doklad* [Ethno-political Situation in Russia and n\Neighboring States in 2010. Annual Report] (pp. 69–83). M.: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Shnirel'man, V. A. (2007). Tsvivilizatsionnyy podkhod kak natsional'naya ideya [Civilizational Approach as a National Idea]. In V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman (Eds.) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in World History] (pp.82–104). M.: Nauka.
- Sigger, D. S., Polak, B. M., & Pennink, B. J. W. (2010, July). 'Ubuntu' or 'humanness' as a management concept: Based on empirical results from Tanzania. *CDS Research Report*, 29 (ISSN1385–9218).
- Smith, A. D. (1991). *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smith, E. (2004). *Natsionalizm i modernism* [Nationalism and Modernism]. M.: Praksis.
- Smyth, M., Robinson, G. (2001). *Researching Violently Divided Societies: Ethical and Methodological Issues*. London: Pluto Press.
- Stepan, A. (2005). Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic “state-nation”? Post-Soviet affairs. *Columbia*, 4, 279–308.
- Stepan, A., Linz, J. J., & Yadav, Y. (2010). The Rise of “State-Nations”. *Journal of Democracy*, 21 (3), 50–68.
- Stepanova L.A. (Ed.). (2017). *Razvitiye obshchegrazhdanskoj identichnosti v polikul'turnom prostanstve rossiyskogo obshchestva* [Development of Civil Identity in the Multicultural Space of Russian Society]. Moskva: Narodnoye obrazovaniye.
- Tishkov, V. A. (2011). *Yedinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala “Etnopanorama” 1999–2011 gg* [Unity in Diversity: Publications from the Journal “Ethnopanorama” 1999–2011]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
- Tishkov, V. A. (2013). Ponimaniye natsiyestroitel'stva v Rossii v mirovom kontekste [Understanding of Nation-building in Russia in the World Context]. In *Ot Drevney Rusi k Rossiyskoy Federatsii. Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti (Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Moskva, MGU, 28–29 sentyabrya 2012)* [From Ancient Russia to the Russian Federation. The History of Russian Statehood (Materials of the International Scientific Conference. Moscow, MSU, September 28–29, 2012)] (pp. 58–67). S.-Peterburg: Aleteyya.
- Tishkov, V. A. (2016). Uslozhnyayushcheye raznoobraziye: kak yego ponimat' i uporyadochit' [Complicating Diversity: How to Understand and Organize It]. In V.A. Tishkov, Ye.I. Filippova (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The Cultural Complexity of Modern Nations]. Politicheskaya entsiklopediya, 7–18.
- Tutu, D. (1999). *No Future without Forgiveness: A Personal Overview of South Africa's Truth and Reconciliation Commission*. London: Rider.
- Uwah, I. E. (2017). The Representation of African Traditional Religion and Culture in Nigeria Popular Films. *Politics and Religion Journal*, 5 (1), 81–102.

Received 04.07.2018. Accepted 03.09.2018

For citation: Potseluev S.P., Timkuk J.A. Plural societies between the state nation and consociational nation. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 96–125.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).